

— Господин, — сказал слуга, выглядевший так, словно у него болела голова. — Вы не можете просто сидеть здесь. Сейчас обеденный час, и здесь много гостей. Вы ведь не собираетесь просто занимать место, не так ли?

— Как мне остаться здесь и отдохнуть? — раздался низкий, глубокий мужской голос, звучавший весьма серьезно.

— Это... — слуга был в замешательстве. — Закажите что-нибудь.

— Ах, заказать, — мужчина осенил. — Тогда принесите что-нибудь... что вы считаете хорошим, подойдет.

— Вот это другое дело, — слуга, решив, что клиент щедр, крикнул:

— Принесите все фирменные блюда нашего павильона для этого господина!

В полдень мужчина в черной одежде быстро вышел из самого известного павильона «Тяньхай исегэ» в Восточном рынке.

Его лицо горело болезненным румянцем, и он быстро прошел через толпу, остановившись в конце переулка под одиноким навесом.

В тени его щеки стали еще краснее, но брови были плотно сжаты. Внезапно он сильно закашлялся, словно испытывая сильную боль, и выплюнул большое количество грязной крови.

Горячая, кипящая кровь в его ладони быстро испарилась.

Хо Вэй посмотрел на Браслет Умиротворения на своем запястье.

Небесный артефакт по-прежнему усердно регулировал огненную духовную ци в его теле, и все должно было быть в порядке; внутренние раны, полученные в схватке с тем человеком полмесяца назад, уже зажили.

Проблема была не в огненной ци или старых ранах. Проблема была в нем самом.

Хо Вэй сжал кулак, в котором была грязная кровь, и вены на его руке выступили наружу.

— Не спеши, — сказал он. — Подожди немного.

Возможно, память хотела утешить его, и он внезапно вспомнил сцену, где его старший брат Му Цинцзя подавал ему вино, его мягкое и серьезное выражение лица.

Бледность на его лице постепенно сменилась розовым оттенком, и он улыбнулся.

Улыбка была долгой, как аромат вина.

С этим трепетом в сердце Хо Вэй вышел из глухого переулка на яркий весенний свет. Он поднял глаза, чтобы снова взглянуть на павильон «Тяньхай исегэ», подтвердив связь, и затем вошел в толпу.

Внезапно он почувствовал тяжесть внизу и, опустив голову, увидел маленького мальчика, который врезался в него, а сахарный человечек, который он держал, прилип к его одежде на

уровне бедер.

Лицо Хо Вэй мгновенно потемнело, и хорошее настроение исчезло.

Мальчик все еще не понимал, что произошло, как Хо Вэй, мельком взглянув, резко схватил его за воротник и оттащил на три шага назад.

Сразу же мимо них пронеслась повозка, и ветер от копыт поднял одежду мальчика, заставив его чуть ли не умереть от страха.

После спасения он наконец понял, что случилось, посмотрел на сахарного человечка, прилипшего к Хо Вэй, и заплакал:

— Верни моего сахарного человечка!

Хо Вэй подергался, едва сдерживая желание запихнуть этого противного ребенка обратно под копыта.

Он хотел уйти, но, взглянув на мальчика, вдруг остановился.

Мальчику было около тринадцати-четырнадцати лет, его лицо было милым и приятным, с детской пухлостью, и на щеках остались следы сахарного сиропа.

Но это не привлекло внимания Хо Вэй.

Он увидел, что у мальчика были красивые янтарные глаза.

Очень похожие на глаза Му Цинцзя.

Мальчик все еще вытирал слезы, как вдруг над его головой появилась тень, и на него упал платок с ароматом османтуса.

— Вытри, — сказал грозный великан над ним. — Я куплю тебе нового. Если это недалеко.

Мальчик тут же улыбнулся сквозь слезы:

— Хорошо!

Он уже съел половину сахарного человечка, а теперь получит нового, так что это была чистая прибыль.

Так они и пошли по улице: мальчик бежал впереди, а Хо Вэй шел за ним, скрестив руки на груди. Сахарный человечек, погибший под его ногами, был очищен с помощью заклинания и высушен его теплом, исчезнув без следа.

Лавка с сахарными человечками действительно была недалеко, и вскоре они увидели старика, сидящего на каменных ступенях у дороги. За его спиной был котел для варки сахара на углях, а перед ним — деревянный ящик, в котором стояли несколько сахарных человечков.

— Еще одного тигра! — радостно указал мальчик на Хо Вэй. — Он заплатит!

Старик только сейчас заметил Хо Вэй. Он кивнул, поставил мраморную доску, взял бамбуковую палочку и начал наливать сахарный сироп. Его рука двигалась с легкостью и уверенностью, словно он был мастером меча, заклинателем или кузнецом.

— Правда здорово? — мальчик почему-то гордился.

Хо Вэй не стал его утруждать, но старик сказал:

— Я делаю это всю жизнь, так что это стало привычным делом. Все, что делаешь всю жизнь, становится таким. Мальчик, тебе стоит этому научиться!

Хо Вэй подумал, что, судя по всему, искусство рисования сахарных человечков на улице не сильно отличается от владения мечом.

Его заинтересовало, и он вдруг сказал:

— Можете нарисовать человека?

— Я могу нарисовать кого угодно, — ответил старик. — Можете описать его внешность и позу?

Каким был Му Цинцзя?

Это поставило Хо Вэй в тупик.

Они провели вместе двадцать три года, нет, семьдесят три года. Пятьдесят лет назад время Му Цинцзя остановилось, а его собственное продолжалось.

В бесконечной тьме он долго смотрел на него, начиная с простой ветки, а затем, под его руками, он медленно обрел знакомый человеческий облик.

Тогда он был уверен, что знает все о внешности Му Цинцзя.

Но теперь, когда нужно было описать его словами, Хо Вэй снова и снова размышлял, но не мог найти подходящих слов.

— Он... — Хо Вэй подумал и сказал:

— Озорной, любит дразнить людей, любит раздражать и приставать.

Он добавил:

— И еще он добрый мерзавец.

— Молодой человек, — старик рассмеялся. — Ты описываешь злейшего врага или свою возлюбленную?

— Мне кажется, он похож на лису из сказок, — добавил мальчик.

Хо Вэй почувствовал, что его языковые способности были осмеяны простыми смертными. Ему стало неловко, но в голове был полный хаос, и он не мог найти слов, чтобы описать того, кто был у него в сердце.

— И то, и другое, — просто сказал он.

Старик перестал смеяться и спросил:

— Скажи просто. Она красивая?

— ...Да.

— Тогда все просто.

Старик снова взял ложку сахарного сиропа и начал медленно его наливать. Сахарный сироп тянулся красивыми янтарными нитями, переплетаясь и не желая расставаться.

В глазах Хо Вэй это было похоже на тысячи мыслей, запутанных и неразделимых.

— Готово.

Мужчина в черной одежде вздрогнул и внимательно посмотрел на плоского сахарного человечка.

Это была очаровательная девушка с милыми лисьими ушками и пушистым хвостом, соблазнительно покачивающимся за спиной.

Это было не совсем то, что он представлял.

Сначала он нахмурился, но затем в его черных глазах появилось игривое выражение.

Павильон «Тяньхай исегэ», внутренний двор.

После того как Хо Вэй ушел, Му Цинцзя спокойно остался в беседке, ожидая его. Хотя он и не понимал, почему тот вдруг рассердился, он был уверен, что младший брат вернется за ним. Ведь он не мог просто бросить его здесь и уйти один, не так ли?

Поэтому он решил ждать на месте, чтобы Хо Вэй не начал искать его и не устроил еще больше проблем.

Лепесток сливы упал в его чашу с вином, словно маленькая розовая лодочка.

Авторское примечание:

Для влюбленных их возлюбленный — как лис-оборотень, который завораживает и не отпускает. Но Хо Вэй думал не об этом, он думал о том, как подшутить над своим старшим братом с помощью сахарного человечка.

И еще, я никогда не пишу о третьих лицах или других сложностях в любовных линиях. Оба персонажа очень чисты, и это исключительно 1 на 1. Все появляющиеся мужские и женские персонажи не имеют любовных отношений с главными героями.

Могут быть второстепенные персонажи с невысказанными чувствами, но в их отношениях больше других привязанностей, а не любви.

Любовная линия не будет трагичной, возможно, только сюжетная линия с остановкой времени Му Цинцзя на пятьдесят лет. После возрождения все будет сладко!!!

Так что не переживайте, смело прыгайте в эту яму!!!

· Хо Вэй любит нюхать чай, а Му Цинцзя любит пить вино. Потому что Му Цинцзя похож на чай, а Хо Вэй — на вино.

ООС сцена:

Му Цинцзя: Я мерзавец? Посмотри на себя, ты дразнишь, а потом злишься, злишься, а потом

убегаешь. Ты и есть мерзавец!!!

Хо Вэй грозно нахмурился, а затем задумчиво присел в углу.

<http://bllate.org/book/16250/1461414>